

Къ вопросу о вліяніи Шатобріана на Пушкина.

(Рефератъ, читанный въ Пушкинскомъ семинаріи Спб. Университета, 11 и 18 февраля 1910 г.).

Литература объ отношеніи Пушкина къ иностраннымъ поэтамъ чрезвычайно богата. Она пестритъ именами какъ корифеевъ, такъ и менѣе значительныхъ писателей: наряду съ именами Вольтера, Руссо, Байрона, Гёте, Шекспира, вы встрѣтите имена Беньяна, Стерна, Соути, Кольриджа, Вордсворта, Мура, Бари Корнуэля, Вильсона, Бульвера и многихъ другихъ. Все это говоритъ о чрезвычайной отзывчивости Пушкина ко всѣмъ литературнымъ направленіямъ Запада. Списокъ этихъ именъ съ каждымъ годомъ все увеличивается, и не видно конца все новымъ и новымъ сближеніямъ. Сравнительно недавно въ ряду писателей, оказавшихъ свою долю вліянія на Пушкина, стали отводить видное мѣсто Шатобріану. Первая попытка дать научное разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ В. В. Сиповскому. Самый-же вопросъ, кажется, впервые поставленъ еще Погодинымъ въ 1827 г. въ предисловіи къ переводу „Ренэ“ Шатобріана ¹⁾). Говоря о Шатобріанѣ, онъ обращаетъ вниманіе читателей на характеръ Ренэ: „Сей характеръ изображается многими великими писателями (каждымъ по своему)“, говоритъ онъ, „и

¹⁾ „Моск. Вѣстникъ“, т. V, стр. 10.

напрасно думаютъ нѣкоторые находить у нихъ изображеніе другъ друга. Не говоря о Руссо, разительно представившемъ сей характеръ въ природѣ, укажу, кромѣ Шатобріана, на соч. Гёте (Фаустъ, Вильг. Мейстеръ), Байрона (почти во всѣхъ своихъ поэмахъ) и Пушкина (Кавказскій Плѣнникъ, Алеко)¹). Такимъ образомъ, уже Погодинъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу самостоятельности Пушкина, но безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Затронулъ интересующій насъ вопросъ и проф. Н. И. Стороженко (въ 1880 г.) въ своей рѣчи въ честь Пушкина, гдѣ онъ, говоря о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, замѣчаетъ: „Неизвѣстно, сколько въ этомъ типѣ лично пережитаго и сколько нужно отнести на счетъ литературныхъ источниковъ Пушкина — темъ Байрона, Ренэ Шатобріана“²). Если такой опытный изслѣдователь, какъ проф. Стороженко, обходитъ этотъ вопросъ съ ученой осторожностью, то это даетъ основаніе предполагать, что вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, для рѣшенія которыхъ мы не обладаемъ достаточными данными. Несмотря на это, В. В. Чуйко въ предисловіи къ переводу Ренэ (Н. П. Чуйко) Шатобріана въ 1894 г. высказывается довольно опредѣленно: „Вліяніе Шатобріана на Пушкина не было непосредственно; признавая заслуги и значеніе Шатобріана, онъ, тѣмъ не менѣе, въ значительно большей степени находился подъ вліяніемъ Байрона. Но если внимательно анализировать его раннія произведенія: „Кавказскій Плѣнникъ“, „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и въ особенности „Цыгане“,—то нельзя будетъ не замѣтить и вліянія Шатобріана: герой „Цыганъ“ это—тотъ-же Ренэ, перенесенный въ другую обстановку и въ другую среду“²).

Хотя В. В. Чуйко и сознаетъ необходимость внимательнаго анализа раннихъ произведеній Пушкина, но самъ его не дѣ-

¹) Сборн. „Вѣнокъ“, стр. 221.

²) Переводъ „Ренэ“, изд. „Моей библіотеки“, № 94, стр. XI, предисловіе.

лаеть, чего и нельзя требовать въ предисловіи къ популярному переводу, но можно бы пожелать не дѣлать въ такомъ случаѣ столь категорическаго вывода.

Первымъ съ научной стороны, какъ мы уже говорили, подошелъ къ этому вопросу В. В. Сиповскій въ своей работѣ: „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ“, появившейся въ „Русской Старинѣ“, 1899 г., № 5—6 (и отдѣльнымъ оттискомъ) и вошедшей въ его книгу „Пушкинъ. Жизнь и Творчество“ (С.-Пб. 1907). Анализируя характеры героевъ „Кавказскаго Плѣнника“ и „Цыганъ“, авторъ находитъ рядъ совпаденій съ произведеніями Шатобріана „Ренэ“, „Атала“ и отмѣчаетъ параллельное развитіе интриги въ повѣсти „Атала“ и въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“. Оставляя пока въ сторонѣ наши расхожденія съ авторомъ, мы позволимъ себѣ сдѣлать общее замѣчаніе, касающееся этой работы въ цѣломъ.

Намъ кажется, что авторъ, благодаря желанію выдвинуть вліяніе Шатобріана *въ противовѣсъ* вліянію Байрона, значеніе котораго онъ старается уменьшить, дѣлаетъ рядъ методологическихъ ошибокъ. Этого, вѣроятно, не было-бы, если-бы авторъ задался цѣлью установить вліяніе Шатобріана независимо отъ того или иного рѣшенія вопроса о вліяніи Байрона. Оставляя пока наше утвержденіе голословнымъ, мы надѣемся, что намъ удастся его подтвердить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Послѣ работы В. В. Сиповскаго имя Шатобріана вошло въ перечень авторовъ, имѣвшихъ вліяніе на Пушкина, и даже проникло въ учебники.

Въ ученой литературѣ отозвались на затронутый вопросъ такіе крупные изслѣдователи, какъ Н. П. Дашкевичъ, Алексѣй Н. Веселовскій и Н. А. Котляревскій.

Н. П. Дашкевичъ въ своей цѣнной работѣ: „Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени“ ставитъ Пушкина въ историческія рамки, отводя Ренэ Шатобріана скромное мѣсто въ ряду другихъ героевъ „міровой скорби“, какъ Вер-

теръ, Адольфъ, Чайльдъ-Гарольдъ и др. герои Байрона. Большую долю вліянія авторъ приписываетъ Руссо, какъ родоначальнику всѣхъ послѣдующихъ скорбниковъ. Особенно цѣнно въ этой работѣ то, что Н. П. Дашкевичъ не упускаетъ изъ виду почвы, на которой могла совершенно самостоятельно развиться скорбь, подобная скорби Ренэ, и указываетъ на сходство историческаго и соціального момента, которое могло обусловить совпаденіе литературныхъ отраженій послѣдняго. Н. П. Дашкевичъ говоритъ, что „герои разочарованія, изображенные въ поэмахъ Пушкина, — лишь отчасти литературные потомки Руссо и Гётевскаго Вертера, Шатобріанова Ренэ и другихъ романтическихъ личностей Запада. Въ большей степени они—носители душевныхъ страданій и думъ нашего поэта и его сверстниковъ“¹⁾.

Алексѣй Н. Веселовскій, считая меланхолію, которою проникнуть рядъ лирическихъ стихотвореній Пушкина, искреннимъ выраженіемъ неудовлетворенныхъ юношескихъ стремленій, находитъ, что знакомство съ Шатобріаномъ помогло выйти Пушкину изъ круга личныхъ невзгодъ и неудовлетворенныхъ стремленій на просторъ общечеловѣческихъ сочувствій, научило его отгадать разлитыя во всемъ мірѣ страданія. Заслуга В. В. Сиповскаго заключается въ томъ, что онъ установилъ „тотъ фактъ, что до байронизма у Пушкина была подготовительная, переходная стадія, что, потрясенный несправедливостью расправы, негодующій опальный, съ разбитыми надеждами и погубленной молодостью, нашель отзвукъ своихъ чувствъ и мыслей въ поэтическомъ возвеличеніи разрыва съ обществомъ, бѣгства въ природу, къ народамъ первобытнымъ и свободнымъ, признаній даровитаго, но лишняго человѣка“²⁾.

¹⁾ „Памяти Пушкина“, научно-литературный сборникъ, составленный профессорами Имп. Университета св. Владимира, стр. 165.

²⁾ Алексѣй Н. Веселовскій. „А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“. Сборн. „Памяти Пушкина“, изд. ред. журнала „Жизнь“, стр. 113—114.

Н. А. Котляревскій, касаясь вопроса о вліяніи Байрона на поэзію Пушкина, попутно затрагиваетъ и „шатобріановскій“ вопросъ. Увлечение Пушкина Парни, Байрономъ, Руссо и Шатобріаномъ безспорно, но, по мнѣнію Н. А. Котляревскаго, приходится „отказаться отъ мысли опредѣлить точно степень ихъ вліянія на него“. О вліяніи одного писателя на творчество другого можетъ быть рѣчь только при „длительной зависимости“ художественной формы и поэтического міросозерцанія отъ образца. Такой зависимости у Пушкина не было; единственное, что не подлежитъ сомнѣнію въ этомъ вопросѣ,—это утвержденіе, „что поэзія Байрона и поэзія Шатобріана дали Пушкину, какъ художнику, почувствовать, какой богатѣйшій родникъ красоты заключенъ въ этой романтической тревогѣ души человѣческой“¹⁾.

Въ такомъ положеніи находится интересующій насъ вопросъ въ исторіи литературы въ настоящее время.

Выяснена-ли въ достаточной мѣрѣ степень вліянія Шатобріана на творчество Пушкина? Доказана-ли вообще состоятельность такого предположенія? Вдумываясь въ эти вопросы, мы приходимъ къ убѣжденію, что ни работа В. В. Сиповскаго, ни работа Н. П. Дашкевича не даютъ исчерпывающаго рѣшенія вопроса.

Стараясь дать себѣ посильные отвѣты на возникшія недоумѣнія, мы натолкнулись на общій вопросъ методологическаго характера, безъ того или иного разрѣшенія котораго намъ представляется невысказаннымъ разрѣшеніе послѣднихъ. Вопросъ этотъ заключается въ томъ, какимъ вообще путемъ слѣдуетъ идти изслѣдователю при опредѣленіи вліянія (въ широкомъ смыслѣ) одного писателя на другого. Это вопросъ чрезвычайно существенный въ исторіи литературы, въ частности,—особенно важный для исторіи русской литературы, гдѣ съ нимъ приходится сталкиваться буквально на каждомъ шагу.

¹⁾ Н. Котляревскій. „Литературныя направленія Александровской эпохи“. 2-е изд., стр. 186—187.

Посильное разрѣшеніе этого вопроса составитъ нашу ближайшую задачу.

Положимъ, у насъ при чтеніи того или иного писателя возникаетъ чувство сходства, даже больше, — чувство совпаденія съ другимъ знакомымъ авторомъ. Невольно возникаетъ догадка о возможности не случайнаго совпаденія въ творчествѣ, а подъ вліяніемъ непосредственнаго или посредственнаго знакомства съ творчествомъ послѣдняго. Но возможно, что несостоятельность нашей догадки сразу обнаружится путемъ противорѣчія дѣйствительности; я имѣю въ виду такіе случаи, какъ фактическая невозможность знакомства съ твореніями писателя, вліяніе котораго предполагается, будь то по незнацію языка и отсутствію переводовъ или подъ вліяніемъ другихъ причинъ (такъ, напр., доказавъ, что Пушкинъ изучилъ англійскій языкъ только въ Гурзуфѣ, а до этого онъ не могъ имѣть въ рукахъ французскаго перевода, мы принуждены отбросить возможность непосредственнаго вліянія Байрона на Пушкина до этого времени). Другими словами, этотъ путь есть не что иное, какъ переходъ отъ догадки къ установленію реальной гипотезы путемъ доказательства непротиворѣчія дѣйствительности первой.

Доказавъ возможность постановки самаго вопроса о вліяніи, мы переходимъ къ самой трудной задачѣ, — къ оправданію нашей гипотезы. Путь, которымъ здѣсь можно идти, намъ представляется двоякимъ: 1) путь *аналитическій*, 2) путь *генетическій*.

Первый — заключается въ слѣдующемъ: исходя изъ гипотезы о вліяніи одного или ряда конкретныхъ произведеній на сюжетъ и характеръ творчества въ изслѣдуемомъ произведеніи, (напр., „Orlando Furioso“ на „Руслана и Людмилу“), мы путемъ тщательнаго анализа какъ общаго характера всего произведенія, такъ и сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ можемъ доказать правильность нашего предположенія. Но на этомъ пути легко упустить историческую и социальную почву,

которой развивалась дѣятельность писателя, которая могла самостоятельно обусловить многія черты въ творествѣ, независимо отъ того или иного вліянія. Другая ошибка можетъ произойти отъ того, что, взявъ писателя, вліяніе котораго мы предполагаемъ, внѣ той литературной эволюціи, которая обусловила частью его литературную фізіономію, мы можемъ приписать его вліянію то, что не составляетъ его индивидуальной особенности и могло возникнуть подъ вліяніемъ либо цѣлой литературной школы, либо его предшественниковъ.

Второй путь — путь генетическій — состоитъ въ томъ, что мы слѣдимъ за развитіемъ той черты въ творествѣ писателя, оказавшаго свое вліяніе на интересующаго насъ автора, которая, по нашей гипотезѣ, отразилась на творествѣ послѣдняго. Такимъ образомъ, наша задача будетъ заключаться въ опредѣленіи причинъ соціальныхъ, политическихъ и индивидуальныхъ, принимая во вниманіе и вліяніе тѣхъ или иныхъ литературныхъ формъ, подъ вліяніемъ которыхъ созданъ характеръ творчества писателя. Ту-же работу придется продѣлать и по отношенію къ изучаемому нами писателю, сосредоточивая свое вниманіе на интересующемъ насъ моментѣ и характерѣ творчества. Въ итогъ первой части нашей работы долженъ получиться остатокъ, который мы будемъ имѣть право отнести исключительно на долю индивидуальной особенности писателя, оказавшаго по нашей гипотезѣ вліяніе. Вѣдь, дѣйствительно, опредѣливъ мѣсто писателя въ ряду его соотечественниковъ, приведя его въ связь съ извѣстной литературной школой и опредѣливъ его мѣсто въ послѣдней, мы тѣмъ самымъ выдѣляемъ характерныя черты въ его творествѣ, опредѣляемъ его индивидуальную фізіономію. Въ итогъ второй части, при изученіи объекта изслѣдованія, передъ нами будетъ постепенно развиваться его творчество, — въ частности интересующая насъ особенность, мы увидимъ, что придется отнести на долю

органическаго развитія подъ вліяніемъ соціальныхъ и политическихъ условій, чѣмъ явилось результатомъ личныхъ переживаній.

Это дастъ намъ возможность отвѣтить на вопросъ: не могло-ли творчество подъ вліяніемъ однихъ этихъ условій принять такой характеръ, который, быть можетъ, только по совпаденію этихъ условій съ условіями развитія перваго совпалъ по своимъ результатамъ; и не могутъ ли различія въ творествѣ быть объяснены различіемъ индивидуальныхъ особенностей. Эта-же работа даетъ намъ возможность опредѣлить яснѣе и степень вліянія и его характеръ, если первое предположеніе окажется несостоятельнымъ. Такимъ образомъ ошибки, возникающія при слѣдованіи по пути аналитическому, не имѣютъ мѣста при пути генетическомъ.

В. В. Сиповскій идетъ въ своей работѣ путемъ аналитическимъ, и этимъ, думается намъ, обусловленъ рядъ произвольныхъ выводовъ, къ которымъ онъ приходитъ. В. В. Сиповскій, исходя изъ того, что Пушкинъ прекрасно зналъ Шатобріана, какъ вообще онъ отлично зналъ французскую литературу своего времени и указывая на возможность вліянія эмигрантовъ-аристократовъ, которые могли занести элементы разочарованія въ шатобріановскомъ духѣ, приходитъ къ предположенію, что: „Шатобріанъ подсказывалъ Пушкину „разочарованіе“ и „тоску“ въ тѣхъ раннихъ произведеніяхъ, которыя написаны до знакомства нашего поэта съ Байрономъ“ ¹⁾. Нѣсколько строкъ выше онъ говоритъ: „Если на первыхъ порахъ Пушкина увлекла легкая, игривая поэзія Парни и К^о, поэтовъ безмятежнаго наслажденія, — то стоило измѣниться обстоятельствамъ въ жизни Пушкина, чтобы въ сердцѣ его отозвались мотивы другой французской музыки—мотивы „разочарованія“, „міровой скорби“ ²⁾.

¹⁾ В. В. Сиповскій. „Пушкинъ. Жизнь и творчество“, стр. 512—513.

²⁾ *Ib.*, стр. 512.

Но спрашивается, почему-же эта другая „французская музыка“ должна непременно исходить от Шатобриана? Вѣдь это надо доказать. Существуетъ рядъ не менѣе правдоподобныхъ мнѣній: Н. П. Дашкевичъ склоненъ эти элементы объяснять вліяніемъ Вольтера и Руссо, Спасовичъ приписываетъ ихъ Вольтеру. А можетъ быть, здѣсь не надо искать никакого вліянія, а эти элементы юношеской грусти, еще далекой отъ міровой скорби, мотивы которой здѣсь видитъ В. В. Сиповскій, объяснимы личными переживаніями? Весьма основательно Алексѣй Н. Веселовскій видитъ отправную точку этой тоски „въ тѣхъ налетахъ грусти, которые внезапно омрачаютъ еще въ лицейскіе годы поэзію, съ виду посвященную лишь культу наслажденія и веселости, тѣ скорбные обзоры увядшей юности (совѣмъ въ духѣ Ленсакаго, безъ малаго въ 16 лѣтъ), ожиданія смерти, надежды „умереть моля“, меланхолическіе образы „пѣвца любви, пѣвца своей печали“, которые сбережены „Посланиемъ къ Горчакову“, стихотвореніемъ „Желаніе“, „Пѣвецъ“, двумя элегіями 1816 года и т. д. Они, должно быть, искреннѣе и душевнѣе передаютъ настроеніе молодого стихотворца, чѣмъ чисто головное, разсудочное эпикурейство, въ дѣйствительности обставленное довольно „будничной рамкой“: „этого раздумья, этой тоски, на дѣлѣ выстраданной, нельзя было вычитать ни у кого: никто не могъ „подсказать“ ее Пушкину, какъ полагаютъ два новѣйшихъ его комментатора, ища этихъ вдохновеній то въ Вольтерѣ, то въ Шатобрианѣ“²⁾. Итакъ, мнѣніе В. В. Сиповскаго о вліяніи Шатобриана въ періодъ до 1820 г. представляется, по меньшей мѣрѣ, недоказаннымъ.

Далѣе, перейдя къ поэмамъ Пушкина, В. В. Сиповскій дѣлаетъ такую оговорку: „Если мы отбросимъ совершенно чуждую Пушкину тенденціозно-религіозную окраску, прису-

²⁾ Алексѣй Веселовскій. „А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“. Сборникъ ред. „Жизнь“, стр. 113.

щую произведеніямъ Шатобріана, мы увидимъ полное тожество въ типическихъ чертахъ героевъ обоихъ писателей и даже большую близость въ ходѣ самой интриги“¹⁾). Оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о тожествѣ героевъ и спросимъ себя: какъ намъ быть, если *„тенденціозно-религіозная окраска“* окажется самой характерной чертой въ творествѣ Шатобріана, а всѣ прочіе элементы имѣлись на лицо уже и до него. Вѣдь нельзя-же забывать, что герои Шатобріана — потомки С.-Пре, Вертера и другихъ скорбниковъ.

Вѣдь Пушкинъ всѣ эти элементы могъ заимствовать изъ первоисточника. Н. П. Дашкевичъ, слѣдя за эволюціей міровой скорби, приходитъ къ выводу, что „Шатобріанъ отчасти возобновилъ во Франціи начинанія Руссо и Бернардена де Сень-Пьера, прибавивъ отъ себя порывы лойяльности и христіанскаго чувства“²⁾). Итакъ, какъ разъ самой характерной черты Шатобріана нѣтъ въ творествѣ Пушкина; это должно было-бы заставить В. В. Сиповскаго обратить большее вниманіе на различіе въ характерѣ творчества обоихъ писателей.

Что-же касается „тожества въ типическихъ чертахъ героевъ“ Пушкина и Шатобріана, то доводы В. В. Сиповскаго намъ кажутся мало убѣдительными. Авторъ говоритъ, что герой „Кавказскаго Плѣнника“ очень близокъ къ Ренэ и по характеру, и по его судьбѣ... Онъ, какъ и Ренэ, покидаетъ цивилизованный міръ и, гоняясь за какимъ-то „призракомъ свободы“, является на Кавказѣ—единственное мѣсто въ Россіи гдѣ можно было встрѣтить романтическую обстановку“³⁾). Вѣдь бѣгство на лоно природы отъ язвъ цивилизаціи становится общимъ мѣстомъ въ литературѣ со времени Руссо и

¹⁾ В. Сиповскій. „Пушкинъ. Жизнь и творчество“, стр. 514. Въ другомъ мѣстѣ г. Сиповскій выражается еще опредѣленнѣе. „Герой поэмы „Кавказскій Плѣнникъ“ — полное повтореніе Ренэ“, *ib.*, стр. 166 — 167.

²⁾ Н. Дашкевичъ. „Пушкинъ въ ряду поэтовъ новаго времени“. Сборн. Кіевскаго Унив. „Памяти Пушкина“, стр. 229.

³⁾ Сиповскій, *op. cit.*, 516.

скорѣ могло возникнуть подѣ вліаніемъ его мощныхъ филиппикъ противъ цивилизаціи и его любви къ дѣвственной природѣ.

Погоня „за призракомъ свободы“, совершенно не характерная для Шатобріана, могла возникнуть подѣ воздействием мощнаго гениа Байрона, какъ и свободолюбиваго Андре Шенье, къ которому Пушкинъ всегда относился съ сочувствіемъ. Не говоря уже о томъ, что разительное совпаденіе мотивовъ „Кавказскаго Плѣнника“ съ лирическими произведениями того-же времени („Погасло дневное свѣтило“ и др.) говоритъ въ пользу мнѣнія, что „Кавказскій Плѣнникъ“ явился въ значительной мѣрѣ лишь образнымъ выраженіемъ душевныхъ переживаній самого поэта ¹⁾.

Точки прикосновенія между Алеко и Ренэ, отмѣчаемыя авторомъ, вращаются въ плоскости, которыми изобиловала сентиментально-романтическая школа. Героини Шатобріана, по словамъ графа Де-ла-Барта, посвятившаго изслѣдованію о Шатобріанѣ обстоятельный трудъ, — „внучки Элоизъ, Климентинъ и Клариссъ, сестры „чувствительныхъ“ героинь романовъ г-жи Флао, г-жи Коттэнъ, г-жи Жанлиссъ и др. Онѣ „страдательны“, обречены на „томленіе“ и сердечныя терзанія ²⁾. Если сентиментальное изображеніе женщинъ положило свой отпечатокъ и на образъ Татьяны, прославляемой обыкновенно, какъ идеаль русскои дѣвушки, то отраженіе этихъ чертъ можно видѣть и въ обрисовкѣ Черкешенки; но нельзя относить эти общія черты сентиментально-романтиче-

¹⁾ „Можно-бы подыскать ко многимъ, важнѣйшимъ по выраженію основной мысли стихамъ „Кавказскаго Плѣнника“ соотвѣтственные мѣста въ предшествовавшей лирикѣ Пушкина, между прочимъ — уже лицейскаго періода, и изъ этого ясно, насколько скорбь, характеризующая плѣнника, была выношена въ душѣ его поэта. Послѣ того внѣшнія сходства съ произведениями иностранныхъ литературъ, какія можно открыть въ нѣкоторыхъ подробностяхъ повѣствованія и обрисовки героя поэмы, не имѣютъ первостепеннаго значенія для уясненія ея генезиса“ (Дашкевичъ, *op. cit.*, 82).

²⁾ Де-ла-Бартъ. „Шатобріанъ и поэтика міровой скорби во Франціи нач. XIX ст.“, стр. 302.

скихъ героинь на долю вліянія героинь Шатобріана, которыя, при болѣе тщательномъ анализѣ, во многомъ отличаются отъ героинь Пушкина. Укажу хотя-бы на то, что отличительной чертой Атала является борьба между страстью и угрызениями совѣсти, въ то время, какъ Черкешенка не переживаетъ ничего подобнаго, не говоря уже о тенденции, заложенной здѣсь, которую В. В. Сиповскій такъ незаконно устраняетъ. В. В. Сиповскій находитъ сходство въ самомъ художественномъ замыслѣ „Цыганъ“ и „Ренэ“; въ томъ, что и Пушкинъ, и Шатобріанъ сознательно развѣнчиваютъ своихъ героевъ, наказывая ихъ за пустоту души ¹⁾. Но это „развѣнчиваніе“ истекаетъ изъ совершенно различныхъ источниковъ. У Пушкина оно художественно вѣрно, оно является результатомъ его гуманно-объективнаго творчества; у Шатобріана оно результатъ тенденціознаго желанія возвеличить христіанство, показать его силу въ борьбѣ со страстями. При этомъ чувствуется нарушеніе художественнаго замысла, чувствуется, что писатель въ глубинѣ души гордится своимъ героемъ и оправдываетъ его.

Переходя къ вопросу о сходствѣ сюжетовъ, В. В. Сиповскій приходитъ къ заключенію, что Шатобріанъ далъ Пушкину интригу для обѣихъ поэмъ. Такъ, говоря о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, авторъ отмѣчаетъ, что „интрига развивается совершенно параллельно съ той, которая положена въ основу повѣсти „Атала“. Герой въ плѣну, онъ закованъ и не можетъ спастись бѣгствомъ... Въ него влюбляется дикарка, освобождаетъ его, *но онъ, какъ Ренэ, остается холоденъ къ любви дѣвушки и открываетъ ей, что сердце его занято*. Развязка также довольно схожа въ обоихъ произведеніяхъ: герои остаются въ живыхъ, героини погибаютъ“ ²⁾. Здѣсь я прину-

¹⁾ Замѣчу кстати, что въ этомъ мѣстѣ В. В. Сиповскій ошибочно приписываетъ Шаптасу отвѣдъ Ренэ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ эту отвѣдъ произноситъ отецъ Суэль (Сиповскій. „Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ“, стр. 31).

²⁾ Сиповскій. „Пушкинъ. Жизнь и творчество“, стр. 516.

ждень изложить кратко сюжетъ „Атала“, чтобы выяснить вкравшуюся неточность въ изложеніе В. В. Сиповскаго. Дѣйствительно: герой въ плѣну, онъ закованъ и не можетъ спастись бѣгствомъ... Въ него влюбляется дикарка, освобождаетъ его. Но дальше интрига идетъ совершенно инымъ путемъ: *герой влюбляется въ свою освободительницу, молитъ ее бѣжать съ нимъ, но она, подъ вліяніемъ сложнаго чувства борьбы любви съ христіанскимъ доломъ, отказывается. Но когда ей приходится выбирать между смертью любимаго человека и доломъ, она бѣжитъ съ нимъ.* Развязка кончается, правда, смертью героини, но не подъ вліяніемъ холодности любимаго человека, какъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“, а подъ вліяніемъ безсилія бороться съ нахлынувшей страстью, благодаря чему она предпочла смерть нарушенію обѣта дѣвственности, даннаго матери. Въ результатѣ этого сравненія намъ хотѣлось-бы уяснить себѣ, какимъ образомъ въ содержаніе повѣсти „Атала“, въ изложеніи В. В. Сиповскаго, вошло слѣдующее мѣсто: „но онъ (Кавказскій Плѣнникъ), какъ Ренэ, остается холоденъ къ любви дѣвушки и открываетъ ей, что сердце его занято...“¹⁾ Вѣдь, въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, имѣетъ мѣсто какъ разъ противоположное. Почему выше авторъ вполне вѣрно излагаетъ то-же содержаніе, говоря, что „Атала, влюбленная въ „плѣнника“, появляется къ нему ночью и съ тѣхъ поръ постоянно ходитъ тайкомъ къ юношѣ и ведетъ съ нимъ долгія бесѣды о любви... Потомъ она освобождаетъ юнаго плѣнника и умираетъ въ борьбѣ со своею любовью, умираетъ просвѣтленная, самоотверженная...“²⁾ Разгадку этому даетъ намъ самъ авторъ въ слѣдующемъ мѣстѣ своей работы. Сравнивая характеры Ренэ и Кавказскаго Плѣнника, онъ говоритъ: „Ренэ бѣжитъ къ дикарямъ, но тоска, грусть слѣдуютъ за нимъ по пятамъ; его охла-

1) В. В. Сиповскій. *Op. cit.*, стр. 516.

2) *Op. cit.*, стр. 515.

жденное сердце недолго наслаждалось радостями бытія вдали отъ суеты мірской,—теплая, самоотверженная, трогательная любовь дикарки Селуты не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которая осталась на его родинѣ¹⁾... Отсюда видно, что дѣло идетъ вовсе не объ Атала, героинѣ повѣсти того-же названія, а о Селутѣ, героинѣ романа-эпопеи „Натчезы“. Ниже авторъ самъ подтверждаетъ это: „Селута, говоритъ онъ, отдавшая всю жизнь свою Ренэ, въ награду за это услышала отъ него признанье, что сердце его занято думой о другой женщинѣ; она ведетъ несчастную жизнь и, наконецъ, потерявъ дорогого человѣка, которому она принесла столько жертвъ, бросается въ рѣку...²⁾).

Такимъ образомъ ясно, что В. В. Сиповскій *соединилъ въ одно сюжетъ двухъ различныхъ произведеній* и такъ, что получилась дѣйствительно „совершенная параллельность“ интриги: начало и конецъ взяты изъ повѣсти „Атала“, середина — изъ романа „Натчезы“. Правда, намъ могутъ возразить, что Пушкинъ могъ сознательно или безсознательно заимствовать интригу именно въ такомъ видѣ, — вѣдь важно, что она заимствована именно у Шатобріана. Пусть такъ, но тогда уже нельзя говорить о „совершенной параллельности“ въ развитіи интриги. Но дѣло осложняется еще однимъ обстоятельствомъ: *Пушкинъ не могъ знать содержанія романа „Натчезы“ въ періодъ написанія „Кавказскаго Пльнника“*, хотя „Натчезы“ и написаны между 1794 и 1798 г. (по изслѣдованію графа Де-ла-Барта): *въ печати онъ появился впервые только въ 1825 году.*

Такимъ образомъ, заимствованіе интриги изъ произведенія, нигдѣ не обнародованнаго, приходится отбросить. Остается только частичное совпаденіе, а именно—освобожденіе плѣнника влюбленной дикаркой и развязка, кончающаяся смертью героини. Но такое частичное совпаденіе, не объединенное

¹⁾ Op. cit., стр. 515.

²⁾ Ib., стр. 515.

совпадениемъ художественнаго замысла обоихъ произведеній, даетъ слишкомъ мало данныхъ для утвержденія заимствованія. Остается сходство развязки; но мало ли можно найти произведеній, сходство которыхъ заключается въ томъ, что „герои остаются въ живыхъ, героини погибаютъ“. Болѣе вѣроятно, что какой-нибудь частный случай или рассказъ могъ дать основу поэмы, очень несложной по замыслу.

Существуетъ въ литературѣ утвержденіе, что внѣшнюю основу далъ рассказъ нѣкоего Нѣмцова, мастера придумывать различныя небылицы ¹⁾. Очень возможно, что такой рассказъ, соединенный съ личными воспоминаніями „милыхъ сердцу дней“, далъ сюжетъ поэмы.

Еще менѣе данныхъ для утвержденія того, что интрига „Цыганъ“ заимствована у Шатобріана: нигдѣ у послѣдняго не встрѣчается сходной интриги, если не считать сходствомъ того, что дѣйствіе развивается у него между тремя центральными фигурами, но это могло быть вызвано тѣми-же мотивами, по которымъ еще Софокль нашелъ необходимымъ ввести „третьяго актера“ для живости дѣйствія.

Вообще, говоря о сюжетѣ „Цыганъ“, можетъ быть, совершенно излишне искать заимствованій извнѣ. Признаніе Пушкина въ эпилогѣ „Цыганъ“, что:

„За ихъ лѣнливыми толпами
Въ пустыняхъ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями,
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ“;

свидѣтельство П. В. Анненкова, что въ 1822 г. Пушкинъ на нѣсколько дней пропалъ изъ Кишинева: онъ отправился въ Измаиль и на пути присталъ къ цыганскому табору, ночевалъ

¹⁾ П. И. Бартеневъ—„Русск Архивъ“ 1866 г., ст. 1139.

въ шатрахъ его и жилъ долго жизнью кочевого племени ¹⁾; записки А. О. Смирновой, утверждающей, что Пушкинъ разсказывалъ „свои Wanderungen у цыганъ“ ²⁾),—даютъ право предполагать, что въ основу поэмы положено личное воспоминаніе автора. Даже при болѣе разительныхъ примѣрахъ совпаденія сюжетовъ трудно бываетъ утверждать заимствование интриги у того или иного писателя, не имѣя никакихъ побочныхъ доказательствъ; особенно, если согласиться со взглядомъ акад. Александра Н. Веселовскаго, что каждая эпоха работаетъ надъ старыми образами, вкладывая только новое содержаніе ³⁾. Несложныя сами по себѣ интриги, легшія въ основу „Кавказскаго Плѣнника“ и „Цыганъ“, могли создаться путемъ невольнаго припоминанія цѣлаго ряда сходныхъ мотивовъ, воспринятыхъ изъ книгъ и изъ жизни, въ созданіи которыхъ могло имѣть нѣкоторое значеніе и чтеніе Шатобріана, но о степени этого значенія, за неимѣніемъ свидѣтельствъ Пушкина, который скорѣе склоненъ былъ преувеличивать свое преклоненіе передъ литературными образцами, чѣмъ умалчивать о нихъ, даетъ право сомнѣваться въ правотѣ мнѣнія В. В. Сиповскаго. Чтобы заполнить этотъ пробѣлъ, В. В. Сиповскій ссылается на рядъ упоминаній Пушкинымъ Шатобріана; но эти упоминанія почти всѣ относятся къ журнальнымъ статьямъ, гдѣ Пушкинъ, уже въ силу своего положенія, долженъ былъ отдать должное Шатобріану; но нигдѣ онъ не говоритъ о немъ съ тѣмъ восторгомъ, съ которымъ говорилъ одно время о Байронѣ. Письма, этотъ тайникъ души Пушкина, ни словомъ не упоминаютъ о Шатобріанѣ. Приходится обратиться къ запискамъ Смирновой, источнику не всегда достовѣрному, но и онѣ мало даютъ, тѣмъ болѣе, что относятся уже къ 30-мъ годамъ.

¹⁾ П. В. Анненковъ. Матеріалы для біографіи Пушкина, стр. 83.

²⁾ Записки А. О. Смирновой, стр. 30.

³⁾ Александръ Веселовскій. О методахъ и задачахъ исторіи литературы — „Ж. М. Н. Пр.“ 1870 г.

Такимъ образомъ, вопросъ о вліяніи Шатобріана на Пушкина остается открытымъ, но мы, вѣроятно, не впадемъ въ ошибку, если скажемъ, что видное мѣсто, которое ему отвелъ В. В. Сиповскій, едва-ли будетъ сохранено за нимъ, и если теперь почти всѣ изслѣдователи сходятся на формулѣ: не будь Байрона,—литературное наслѣдіе Пушкина было-бы инымъ, по отношенію къ Шатобріану установится, вѣроятно, противоположная формула: не будь Шатобріана, — наслѣдіе Пушкина осталось-бы тѣмъ-же.

А. Бемъ.

1857

ПУШКИНИСТЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

подъ редакцией проф. С. А. Венерова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Фототипія и Типогр. А. Ф. Дресслера, Б. Подъяческая, 22.
1914.